

Лесные твари / Things in the Wood (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Лесные твари / Things in the Wood
(рассказ)

Автор	Дэвид Гаймер / David Guymer
Переводчик	ifingeya, fedorfedechkin
Издательство	Black Library
Источник	Total War: Warhammer III
Год издания	2024
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB, FB2, MOBI
Поддержать проект	

Трое мужчин с мрачными лицами подняли свои угрюмые взгляды от костра, в который до этого все они пристально смотрели. На них была бедная и неказистая одёжа кочевников: длинные кожаные кафтаны^[1] с меховыми рукавами да воротниками, увешанные травяными оберегами и прочими талисманами; шаровары, сыромятные ремешки да шишковидные башлыки^[2] с меховыми нащёчками, почти что полностью скрывающие их лица от света бела дня. Двое из них вооружены были короткими саблями^[3] — однолезвийными изогнутыми клинками с S-образной рукоятью, какие часто встретишь в обиходе у

легкой конницы. Третий сидел, положивши себе на колени большой бердыш^[4] и водя точильным камнем туда-сюда по кромке его лезвия. Три лука с распушенными тетивами ждали своего часа, прислонясь к стволам ближайших деревьев.

Костер они себе соорудили из сосновых шишек, хвороста да высушенного лошадиного навоза^[5]. И дым его, казалось, был четвертым молчаливым товарищем той троицы, что собралась у огня; едкий и грубый, он явно мнил себя неприметным, почти невидимым среди низко кланяющихся земле елей и сосен, покрытых толстыми снежными шубками.

Трое — или ж, все же, четверо — казалось, были ошеломлены внезапным появлением Радыга Брегнего на их поляне. Мужик с топором лишь покосился в сторону Радыгова пони, прежде чем пожать плечами да отвести взгляд.

— Храни тебя Даж, незнакомец!

Опустив точильный камень, Топор протянул страннику деревянную плоску, в которой блестели полоски мяса, отрезанные от туши небольшого оленя, жарившегося тут же, над костром, на вертеле. Радыг почувствовал, что у него вот-вот потекут слюнки, а желудок его при этом протяжно заурчал. Когда же он в последний раз ел? То было несколько дней назад? Казалось — не одну неделю!

Давешняя его бешеная скачка сквозь чащу леса была теперь, как в тумане.

Запах свежей оленины всё ж одолел осторожного Радыга, и тот хотел направить свою лошадь вперед, к поляне — но та отказалась последовать приказу хозяина.

Казия была лохматым областным пони ростом не более тринадцати ладоней^[6]. Приземистая и коренастая, она беспрестанно мотала своей большой головой. Черная грива ее была заплетена в косичку и стянута желтой бечевой^[7]. Копыта ее, неподкованные и нестриженные, выглядели почти как хищные когти. Лошадка грызла холодные металлические удила^[8] и фыркала, и ее дыхание сгущалось облачками пара в морозном ночном воздухе. Как и все самые лучшие лошади, Казия была более чем на половину дикой, и обыкновенно обреталась она на вольном выпасе, скитаясь по травяным просторам к востоку от Корочева; в мороз раскапывала она носом снег в поисках пищи, дрожала всей шкурой темными зимними месяцами, и звали её обратно, холили да лелеяли только тогда, когда дружине требовались кони. Она уступала в размерах тем огромным боевым скакунам, которых так любят на юге, но превосходила их в скорости и выносливости, способная с поразительной резвостью покрывать мили и мили — и в ус не дуть! Никакой лошади в Империи такое не под силу! Казия была животинка хитрая да упрямая, да всегда себе на уме: и понимала она зачастую куда больше, чем ездок, повелевавший ею.

Она чувствовала, если все было в порядке — и чувствовала, если что-то было не так.

Сейчас она беспокойно дышала, и её покрытые пеной и растаявшим снегом бока тяжело ходили туда-сюда — ведь до сих пор лошадь безостановочно неслась галопом. Радыг даже мог собственными коленями почувствовать, как бешено колотится сердце Казии — там, где его ноги касались её ребер. Его собственная щека болела — в том месте, где её полоснула случайная ветка.

Что-то непрестанно гналось за ними по заснеженным чащобам, но, охваченный ужасом... он, должно быть, так ни разу и не успел толком увидеть, с чем же встретился. Ведь сейчас он не мог даже вспомнить, чем *она* было и зачем он, Радыг, понадобился этому неведомому существу.

Радыг встряхнул головой, словно бы пытаясь очистить свой разум от морока.

— Кто вы такие? — спросил Радыг троицу, что сидела у костра. Он не собирался доверять этим трем чащобным незнакомцам, сколь бы соблазнительно ни пах их ужин, ведь, если он что-то и знал о них наверняка, так это то, что перед ним — лесные лиходеи, и, всего скорей, его они следующим насадят на свой вертел. — Что вы делаете здесь, в лесу?

Топор вновь лишь пожал плечами, говоря:

— Мы в этом лесу живем.

— С самого малолетства живем, — подхватил второй его товарищ, самый маленький среди прочих. Его голос был едва отличим от шепота. — А ты что здесь делаешь?

— Я... — Радыг замешкался. Внезапно буря воспоминаний настигла его. Зубы и когти. Надрывно орущие лица. Красные капли, сплошь разбрызганные по чешуйчатой серебристой коре березы. Яростное и отчаянное ржание Казии — в тот момент, когда окружавшие их деревья вдруг пооткрывали красные глаза-щели и вмиг ощетинились проросшими из их стволов рогами.

Он вздрогнул, и воспоминание улетучилось.

— Я ищу выход из леса. В Корочев.

Точно, так оно и было. Он пытался найти дорогу домой. Он заехал в лес, сбился с пути и... Недавнее воспоминание грозило вновь всплыть на поверхность, оттого Радыг уставился в костер незнакомцев и так долго, неосмысленно глядел в него, пока жуткое воспоминание не отступило обратно, во тьму разума. — Ручей. Да. Да. Я...

Он осёкся.

Топор, соскалив^[9] зубы в ободряющей, дружелюбной ухмылке, снова протянул страннику плоскую оленину.

Казия ударила копытом по земле и предостерегающе фыркнула, но на сей раз уже Радыг выказал ей непослушание. Он был изможден, голоден — к тому ж, промок насквозь и теперь дрожал от холода, а запах жареной оленины был уж слишком могуч, чтобы ему противостоять еще хоть мгновение.

— Я вам ничем не смогу отплатить, — сказал Радыг. — Я подстрелил зайца и собрал уже, было, хворосту для костра, да тут... — Новое воспоминание грозило вырваться из темных пут разума, но в этот раз оно лишь подразнило, вскользь пронеслось мимо и вновь затаилось в глубине его сознания. — Да тут... решил оставить их для Матушки Остянки.

Трое у костра при упоминании этого имени осенили себя защитным знаменем^[10], дабы отвести злой сглаз от своих душ. Огонь затрещал, взволнованный внезапно налетевшим ветерком, которого Радыг — хоть и вымокший, хоть и продрогший до костей — никак не ощутил.

— Хороший человек — помнит Матушку, — сказал Шепот.

— А мудрый человек — показывает это, — добавил Топор.

Третий их товарищ, лохматый и угрюмый — точно медведь, дремлющий в своем кургане из шерсти, войлока и меха — уставился в огонь и не проронил ни слова.

— А впрочем, все это не имеет никакого значения, — внезапно заявил Топор, нарушая эту неприятную, тревожную тишину. — Негоже кислевиту не давать приюта сородичу!

Шепот тихонечко хмыкнул.

Казия заржала и снова попыталась отстраниться.

Хрустя снегом, забившимся в промерзшие складки его шубы^[11], Радыг спешился и осознал, что был куда более измотан, чем сам до этого времени предполагал: спустился он на землю куда медленнее обычного, а после поплелся к костру такой спотыкающейся и неверной поступью, какой может идти только человек, резко пробудившийся после падения с кровати. Радыг перекинул поводья пони через ветку и направился к костерку в центре маленькой поляны. Сквозь просветы меж деревьями моросило мокрым снегом. Луны-близнецы, орошающие ледяным светом все вокруг, были закутаны в дымку облаков, и ветер беспрестанно рвал эти их серебристые^[12] дымчатые нимбы.

А трое мужчин у огня, казалось, и вовсе не были обеспокоены невзгодами погоды.

Радыг сел меж Топором и Шепотом, принял протянутую ему плоску, прямо рукой схватил кусок оленины, запихнул себе в рот и проглотил, нисколько даже не жуя. Продолжая давиться едой — так, что аж слезы на глазах выступили — одним махом зачерпнул оставшееся содержимое плоски и так же незамедлительно отправил себе в рот. Блаженствуя, закрыл глаза.

Мясо было столь же умопомрачительно, как и его аромат.

Прямо сейчас Радыгу было совершенно безразлично, кто все эти люди и что они делают в здешних лесах. Он даже с легкостью и предал бы своих братьев по дружине, и отдал бы этим людям свою лошадь, если б они того попросили.

— Думается мне, новый друг у нашего костерка хочет спеть песню, — сказал Топор.

— Или ж рассказать сказку, — добавил Шепот. — Да, застольную историю хочет поведать наш незнакомец!

Говаривая так, Шепот снял с огня котелок с квасом и налил залихватски щедрую порцию в грубую и кривую деревянную стопку^[13].

Радыг взял предложенное пойло и осушил его одним залпом. И закашлялся от того, как огненный дух погнал мясо вниз по его горлу.

— И что же вы хотите услышать?

— Что-нибудь, чего не слышали прежде. — Топор обнажил в улыбке блеснувшие в свете костерка желтые да кривые зубы и вновь предложил Радыгу наполненную до краев олениной плоску. Радыг с удовольствием согласился на новую порцию свежего мяса.

— Расскажи нам сказку о Матушке Остянке, — попросил Шепот.

— Да! — весело согласился Топор и хлопнул себя мускулистой ладонью по бедру. — Сказку о Ворожее из Кислева. В такие темные ночи нужны темные же истории — для тех, кто Госпожу-Ночь сопровождает!

Молчун-медведь — видно, в свойственной ему манере — вновь не проронил ни слова.

— Добро! — сказал Радыг, расслабленно откидываясь на аккуратно сложенной попоне и глядя в огонь. — Я знаю сказку о Матушке-Ворожее, и тем более жуткой делает ее то, что она правдива...

Сказку эту мне поведал один старый коссар из Жидырны, станицы далеко на востоке, где великий Духлиссский Лес примыкает к Краесветным горам. Я никогда не был в тех краях — а он, в свою очередь, никогда не бывал в Корочеве — ведь та же самая река, что, подобно ярому жеребцу, галопом проносится мимо моей деревни, в Жидырне лишь только-только поднимается на ножки, как робкий, спотыкающийся жеребенок.

Мы оба были в Фольксграде, дабы отразить натиск кызаков^[14] — северян, что в тот год пришли с Высокого перевала вместе с весенними паводками.

Его звали Юлий. Он носил длинную серебряную кольчужную рубаху, топор с выгравированными на нем золотыми письменами — Юлий божился, что начертаны те буквы были самими гномами! — а ещё был на нем плащ из белого меха, в прежние времена служившего одеянием Царю средь медведей. Или так мне только показалось — кто ж его знает?

Иногда даже интересно становится, что же случилось с этим моим товарищем после того, как мы покинули

Фольксград — ведь более я никогда его не видывал. Но ясно можно сказать лишь то, что он, скорей всего, уж мертв, понеже^[15] уже тогда, в нашу последнюю встречу, его волосы были цвета снега, а сам он был сухой и твердый, словно дерево — да и с таким ворохом историй за своими плечами, каких хватило бы не на одну — на три людские жизни!

Не знал я — до того времени — что Матушка-Ворожея почитается не только в Корочевских лесах, но и на болотах, и в горах, и возле рек, и в широкой степи, а истории о ней разнятся от места к месту.

В Корочеве сказывают, что она живет в избушке, сплетенной из ворожеиногo дерева и терновника, и найти её жилище можно лишь по смрадному запаху дыма, что поднимается из трубы её печурки^[16] — ведь избушка эта никогда не остановится два раза на одном и том же месте!

В Чернозавтре, что за Высоким перевалом, вещают, будто бы обитает она в черной кувшинке, какая появляется на реке Западрейке только в полнолуние Хаоса. Если черная кувшинка проплывает мимо Чернозавтры с запада на восток, то станица может спать спокойно. Но ежели она пройдет с востока на запад, супротив обычному течению, то тогда Чернозавтре лучше быть наготове, ибо из Пустошей Хаоса идет на юг погибель! В такие темные времена атаман^[17] приносит жертвы реке, желая во что бы то ни стало угодить Матушке-Ворожее, дабы она помогла Чернозавтре своим колдовством да войсками.

В Жидовске же знают Матушку под именем «Черная Ворожея с Утесов». Там твердят, что её домик носит в своих когтях морозный змей^[18], которого она поставила себе в услужение своими скверными чарами и которому раз в десять лет скармливает она наикрасивейшую девицу Жидовска^[19].

Там, где человек, сев на коня, не видит впереди и окрест себя ни маковок^[20] церковей, ни городских стен — там, вестимо^[21], лежат земли Матушки-Ворожеи, к которой Родина обращается лишь в час великой нужды, когда все остальные оказываются глухи к её мольбам и черствы к её бедам.

Значится, говаривал мне Юлий, что он-де некогда принадлежал к отряду славного Золотого Рыцаря. Не той могучей девицы, конечно, которая живет сейчас во дворце Бохи, а того, кто носил золотые доспехи прежде нее. Юлий был стариком, когда я его встретил, а история его происходила еще за несколько лет до этого. Молвят, что Нарышка Лейса уже сейчас более грозный воин, нежели отец ее в самом расцвете своих сил. Уж не знаю, правда ли это, но наверняка мне ведомо одно: каждый из тех рыцарей, какому царь или царица вверяют честь быть их мечом и щитом, поистине велик и страшен в битве.

На службе у Золотого Рыцаря довелось Юлию побывать в Ропсалах — крае густых лесов и высоких гор, что расположен в восточной области — и в деревеньке под названием Струсив^[22].

То был двадцатый день езды по дремучим чащобам и ухабистым холмам: дружинники Рыцаря, отправленные за подмогой, разыскивали полк^[23] засечного боярина^[24] в Фольксграде. Пожалуй, какой-нибудь всадник — в одиночку да на добром коне — добрался б до ближайшей станицы в Чагеве вдвое быстрее. Да и это, надо сказать, возможно, только если Урсун милостиво спрячет свои когти и не заснежит долины высокими сугробами.

Самого же Золотого Рыцаря с другой частью его дружины встретили в Струсиве с большими почестями — а прибыл он туда со своими войсками для того, чтобы прогнать ревушие стада зверолодов, что беспрестанно набегали на Ропсалы. Тамошний гетман^[25] подумывал уж отступить: такие маленькие деревеньки, как Струсив, уж точно не обустроены для обороны. Их легко спалить дотла — но легко же и

заново отстроить. Струсивцы могли бы преспокойненько себе пожить на ветру — годину, две или сколько придется — и Царица-Зима^[26] за них бы разобралась с этими темными отродьями. Но Золотой Рыцарь гетману ходу не дал.

Он поклялся отстоять Струсив во что бы то ни стало и отмстить диким тварям за то, что посмели те чинить беды нашей навеки благословенной Родине!

И вот началась сеча.

Каждый день — чуть сумерки ложились в лощины — с холмов спускалась чудовищная рать. Мужички, покрытые шерстью, словно собаки; лица у них были — как морды козлов и баранов, а копыта их были грубы и неумело сработаны, а щиты их сплошь обиты были лоскутами человеческой кожи. Повозки, запряженные грязными рогатыми свиньями. Минотавры — сильные, как двенадцать рослых мужей! И — тьмы^[27] проклятых горных гарпий: они сбивались в густые облака, и числом эти пронзительно визжащие твари едва не вдвое превосходили все стрелы, что можно было тогда найти в Струсиве. И всех их разил меч Золотого Рыцаря, и каждый день, едва всходило солнце, рассветные лучи озаряли груды изрубленных мерзостных тел. Но каждая последующая сеча была тяжче предыдущей. Силы отважного отряда истощались, а мощь *темных*, напротив, словно бы непрерывно лишь росла. Золотой Рыцарь стремился своим примером воодушевить защитников Струсива, однако ж его собственные, закаленные множеством битв косары начали сомневаться, что им доведется праздновать победу. И многие бежали.

Юлий признавался, что он и сам бы, всего скорее, сбежал, если б не его ротмистр^[28], который, чувствуя такое его настроение, загодя отобрал у него коня.

Накануне решающего сражения Золотой Рыцарь держал перед оставшимся воинством пламенную речь, и напоминал он всем о стойкости и мужестве, которые защитники Струсива уже проявили, и обещал он всем, кто не показал спины врагу в этот черный час, что Кислев пришлет подмогу — если только вера их будет крепка!

Это была хорошая речь, но — увы — не многие сердца прониклись ею. Люди уж смирились с грядущей смертью и собирались встретить ее по-кислевитски: с гордо поднятой головой.

Но той ночью, вопреки всему и вся, помощь пришла.

И не с юга, куда Золотой Рыцарь отправлял своих людей искать её, и не с севера. Пришла она с тех же диких холмов, откуда каждую ночь спускались вражьи стада.

Ветер внезапно стал порывистым, ярким, а потом вдруг исчез так же резко, как и появился. И туман сгустился в наступившей тишине. Длинная лощина, в которой стада горнов подготавливались к тому, чтоб в очередной раз обрушиться на силы Струсива, казалась жутким озером, на туманной поверхности которого кривые рога и заржавленные наконечники копий покачивались, точно мертвые листья. Ни слова не молвил никто из защитников Струсива. И даже закаленные годами сражений воины — такие, как Юлий — вдруг почувствовали, что кровь стынет в их жилах. Хохот чернокрылых ворон огласил деревеньку. Сперва их было с десятков, но вскоре — уже сотни. А потом — тысячи, а затем — тьмы! Небеса от их крыльев окрасились в черный, и они галдели, как имперские солдаты, когда те перебраниваются из-за последних свободных столов в какой-нибудь корчме^[29]. Мужчины и женщины в ужасе смотрели, как, минута за минутой, крыши, заборы и телеги заполнялись воинством косматых ворон. И все эти птицы принялись разговаривать одновременно — они, пернатые, делают так всегда, когда пытаются поведать что-то, что нам, земным созданиям, известно быть никак не может.

Тогда ни один струсивец не сомневался: эти вороны слетелись сюда, чтоб поглазеть на бойню. И в тот самый миг появилась Матушка Остянка.

Она стояла одна на дальнем склоне холма, и была она столь стара и уродлива, что даже звери не осмеливались подойти к ней. Горбатая. Морщинистая, словно б ядовитый орех. С мелкими свинными клычками, торчащими из-под нижней губы. Убогая домотканая рубаха покрывала её скрюченные плечи, а в руке её был колдовской посох со звериными черепами на верхушке. Венец из грязных оленьих рогов торчал у ней на голове, как бородавка на старушечьей губе. В другой руке ее был деревянный ковш, каким орудовала она в огромном железном котле: и все больше изливалось наружу из этого котла того же самого тумана, что уж заполнил всю долину, и вдобавок к тому струились из него какие-то рваные всполохи колдовского света.

— Бегите, непослушные детишки, и прячьтесь от своей Матушки! — кричала он своим скрипучим голосом, наклоняясь над котлом. Её шепелявый клич разносился по холмам и долинам одновременно на господарском языке и на темном наречии зверолодов, а потому Юлий никак не мог в точности знать, кого ж из них она проклинала.

— *Она сварит мечь жаркую, что угли, и найдет на тебя духов своих, что вырывают душу из тела.*

Свет, изливавшийся из ее котла, задрожал и померк. Сгустился туман, в котором потонули даже самые высокие из зверолодских знамен. Этот самый туман вдруг наполнил лощины доверху, перелился через их край, а затем понесся к Струсиву, заставляя кричащих от ужаса защитников пятиться все дальше и дальше — а вороны лишь, знай себе, сидят да и хохочут над ними! На расстоянии броска копья от границы деревеньки колдовской туман остановился и отпрянул, как разлившаяся бурными потоками река, что встретилась с каменной стеной. И лишь приглушенные крики, похожие на блеяние потерявшихся овец, доносились до защитников Струсива, покуда те перестраивались, скрывшись за стенами селения.

В тумане двигалось нечто. Жуткие, неназываемые твари. Что-то такое, что, как говорят, может заставить человека едва ль не пожалеть темных.

Золотой Рыцарь, что боялся ныне этого тумана куда более, чем прежде — зверолодей, вонзил свой меч в твердь земли и вознес молитвы.

Урсунa, Отца-Медведя, просил он о защите.

Тора — о победе.

Дажа — о том, чтоб скорее взошло красное солнышко.

И вот, услышал Бог Солнца его мольбу — и развеял он туман, и, когда воздух над полем битвы прояснился, на земле не осталось и следа того, что хоть когда-то тут происходило сражение! Ни одного тела — будь то человек или же зверь! И Юлий не смел даже вообразить себе ту страшную участь, которая ожидала их всех внутри Матушкиного котла.

Сама ворожея тоже исчезла, чуть заря коснулась верхушек дерев — лишь одна-единственная ворона упрямо не хотела слезать с перекладины Рыцарева знамени, как бы грубо её ни пытались спугнуть. И знаменосец мог поклясться, что слышал, как ворона сказала: «Бегите, непослушные детишки!» — но никто, кроме него, больше этого не слыхивал. Золотой Рыцарь распустил свои войска и вскоре покинул Струсив. Роты стали возвращаться домой, к своим семьям, а Золотой Рыцарь и его свита галопом помчались ко двору Бохи, дабы провозгласить о своей победе.

Но те, кто был там — вроде моего товарища Юлия — знали, что настоящая победа принадлежит Остянке...

Радыг почувствовал, как веки его тяжелеют. Он уже и не помнил, сколько времени довелось ему провести в седле до того, как нашел он это место, и теперь тепло от яства и походного огня расходилось по всему его телу. Он снял свои перчатки и шапку из овечьей шерсти, распустил завязки на шубе. Его мокрые сапоги дымились от близости костерка. Неожиданный порыв влажного ветра коснулся Радыгова затылка — но это было приятное ощущение: успокаивающее, будто бы то был не ветер, а пальцы матушки, ласково ворошащие волосы сонного дитя.

Все время, пока Радыг сказывал сказочку, трое чащобников хранили молчание. Топор вновь достал свой топор и продолжил работать над ним точилом. Размеренный скрип камня о железо тихонечко бормотал в дыму костерка, убаюкивая мерзнущие в темноте сосны и ели.

— И это ты называешь жутким?! — спросил чуть погодя Шепот. Голос его звучал обиженно, а влажная кожа блестела из-под шерстяных нащечников, когда он повернулся к Радыгу, озаряемый светом костра. Несколько светлых волосинок, похожих на первую бороду юноши, захрустели в землянистом дыме походного огня. — Ворожея из твоей сказки взяла да и спасла всю деревеньку!

— Значит, такой ты её видишь? — сказал Топор, напротив, очень мягко, продолжая при этом трудиться над лезвием своего топора. — Думаешь, она — добрый дух? Хранительница чащи?

— Добрый? Нет. Но — хранительница?.. Да, пожалуй, так бы я и назвал её. Она жестока — как должна быть жестока мать, ибо мир наш — не место для мягкосердых. Дети же ее должны быть тверды — и телом, и духом — чтоб переносить тяготы холодной зимы и чтоб крепко держать свое копьё, когда кязаки приходят из-за гор. Вот так она и печется о Родине. Не верите мне? Ну что ж, неважно. Я изъездил весь Кислев вдоль и поперек. Я сражался с северянами и слышал эту сказку из уст того, кто своими глазами видел, как чары Матушки встают на защиту земли. Вы когда-нибудь слыхивали о ней что-нибудь другое?

Трое товарищей обменялись взглядами.

— Я слыхивал другое, — сказал Шепот...

Что ж, история, которую я знаю, начинается почти точь-в-точь. И впрямь, было сражение за Струсив. И Рыцарь Золотой тоже там был — правда, оказался он в Ропсалах совсем случайно — только чтобы испробовать тамошнего деревенского борща да водки^[30] по пути на юг, куда он возвращался из какого-то другого похода. Это была ничем особо не примечательная стычка, каких великое множество происходит у нас на севере каждое лето, и о Струсиве так никто бы и не вспомнил, если б не то, что избранный рыцарь царя Бориса был там. Так что стоит списать все эти преувеличения на впечатлительность старого коссара.

Твой друг мельком упоминал гетмана той деревеньки, но не называл даже его имени, чем этот самый гетман дюже бы оскорбился — если б только был жив. А звали его Мешко^[31], дружинник Мешко Струсивский. И именно он сейчас — главный герой моей сказочки.

Было у Мешко три сына: Григор^[32], Евегний и Радимир, и, радея токмо^[33] об их будущем, советовал гетман как можно скорее тогда отступить. И не из страха за их жизни, понятное дело. Юнцам нужно

было закалиться да возмужать, и думал Мешко так: година на ветру тем паче будет им хорошим подспорьем. Ни у кого не было сомнений, что однажды эти отроки станут великими воинами — но сейчас точно было не время для такого испытания.

Дружинник злился, что какой-то южный витязь не внимает его советам, однако ж глубоко в душе он лелеял надежду встретить верную смерть, сражаясь бок о бок с прославленным Золотым Рыцарем, о ком сказания живы по всему Кислеву.

Будучи не самым хорошим отцом и не самым добрым человеком, Мешко все ж оставался кислевитом.

И сыновьям Мешко удалось пережить те страшные ночи — а многим, очень многим сыновьям и дочерям Кислева не довелось увидеть торжества того рассвета, что ознаменовал собою сию трудную победу. Повсюду были зажжены для почивших погребальные костры, и много совершено было возлияний на их тризне^[34]. Приносили жертвы Дажу, чтобы пламя его подхватило души погибших и вознесло их ввысь и вдаль, в великие синие степи^[35], и чтобы скакали они вечно навстречу горизонту. Из почтения к всеобщему горю, Золотой Рыцарь и его рота согласились остаться в Струсиве — но уж спустя неделю они спешно покинули эти места.

Вернулись они обратно ко двору Бохи. Обратно — в многолюдные грады.

И все ж, кое в чем товарищ твой Юлий был прав: это — Остянкина земля.

И несколькими неделями позже Матушка-Ворожея вернулась в Струсив.

Появилась она — прямо такая, как ты и сказывал: старушка эта шаркала по деревенской площади, опираясь на посох, и ее согбенная фигура наклонялась едва ль не до земли под тяжестью плетеной корзины, которую тащила она у себя за плечами. Короб этот был до краев наполнен всякой всячиной из долин и жуткими трофеями с полей брани: гладкими камушками, щепками, красивыми птичьими перьями; вываренными в воде рогатыми черепами, обрубок ноги с копытцем, да и копьём, чье лезвие торчало из корзины наружу. Обыденные безделушки — вперемешку с устрашающими диковинками. От её потрепанных лохмотьев разило тушеной крапивой и тухлой капустой. Черепа на верхушке посоха вздрагивали, сопровождая дребезжанием каждый её шаг; думается, с таким же звуком боги бросают кости, определяя людскую судьбинушку.

И сколь бы жуткой ни казалась она твоему старику-коссару, только вообрази себе тот ужас, какой охватывает человека, к которому она является вдруг на порог, как гром среди ясного неба.

Матушка Остянка постучала своей клюкой-посохом в дверь Мешкиного дома.

— Выходи-выходи, — сказала она громко. — Выходи, коли зовет тебя Матушка.

Мешко, как мы уже знаем, был человек гордый. Не хотелось ему, чтоб кто-то подумал, будто б он боится дряхлой старухи — однако ж, не хотел он и прослыть перед односельчанами таким послушным мальчонкой, что срывается с места по первому же зову своей бабушки^[36]. И потому показался он на балконе, что над головою у Ворожеи, с наложенной на тетиву стрелой и велел старухе сказывать, какое у нее к нему дело.

Остянка одарила дружинника кривою ухмылкой.

— За жизнь сохраненную — жизнью же и платят, — молвила она. — Спасла я от зверолодов пять сотен

душ в Струсиве — а взамен попрошу лишь три. Отдай мне своих сыновей. Пришли их ко мне — и вовек не будет тебе обо мне ни слуху ни духу.

— Чего надобно тебе от моих сыновей?!

Старая ворожея вдруг рассмеялась — как смеются над могилою дурака.

— Все сказывают, будто однажды станут они великими воинами. Матушке лучше знать, как воспитывать своих сынов!

Конечно, Мешко отказался.

Он повелел своим людям схватить безоружную Остянку — но коссары боялись гнева Матушки поболее, чем горячей руки своего головы. Проклиная их трусость, Мешко спустил стрелу с тетивы — вонзилась она в самое Остянкино сердце. Среди всего честного люда пронесся ропот ужаса — однако старушка лишь захихикала, глядя на то, как из её груди торчит оперенное древко. Сказывают, что Остянка создана древними духами не из плоти и крови, но из грязи, травы и перемолотых костей тех темных существ, которым нет имени, и что сделана она такой, дабы стать их, духов, царицею — настоящею царицею Кислева. Другие пусть говорят, что им вздумается, но я говорю тебе: это — истинная правда, и все, кто был там в тот день, поверили в это.

Отвернувшись от дружинника и его воинов, она обратилась к ошеломленным жителями деревеньки, которые пали на колени пред нею, моля Матушку о пощаде.

— То, что положено мне, возьму я у Мешко — или же у вас, — сказала она им. — Отдайте мне этих детушек — и спасетесь от дурной судьбы.

Сказавши это, она обвила себя руками и обратилась в стаю галдящих черных ворон. Позвал дружинник лучников, велел пристрелить этих проклятых птиц — но никто из вояк не посмел и пальцем шелохнуть.

И во второй раз уже, выходит, оставила Остянка Струсив в покое .

На следующий день без следа исчезла дочурка пекаря, что пошла в лес по ягоды. Была она чудесной девочкой, и все любили ее. Горевали о ней деревенские, но никто и не думал, что то Остянкина порча начала над ними властвовать. Опасен был лес, и негоже было деточке ходить туда совсем одной. Зима дюже долгая, а по весне серому волку всякий раз надобно задавать урок, чтоб не забывал он бояться людского железа. В самом деле, виновны тут были лишь родичи несчастной. Но потом пропал сын кабатчика^[371]: отправили его в лавку за головкой сыра — а тот как сквозь землю провалился. День за днем пропадали дети Струсива. Отчаявшиеся родичи прятали их на чердаках да в подвалах, караулили их часами, да не было от этого никакого толку: чуть заря — обязательно один из деток, коих в деревне становилось все меньше, пропадал, улетучивался — даже за закрытыми на все засовы дверями! — словно туман под лучами солнца. Пошли деревенские к старухе, чтобы та научила их, как развеять порчу. В некоторых селениях таких женщин зовут ворожеями или ж колдуньями, но всё это их знахарство да травничество ни в какое сравнение не идет с настоящими чарами.

Есть только одна Ворожея в чащобах, и имя ей — Остянка.

Когда все знания да зелья той женщины не возымели никакой силы, деревенские привязали её к дереву и сожгли.

И ни одну семью не минула порча Остянкина.

Помимо, думается, семейства дружинника Мешко.

Вспомнив обещание Остянки, что любой, кто приведет Мешковых сыновей, освободится от злого рока, деревенские, что прежде так рьяно сражались со зверолодами, обратили клинки против своих же братьев. Если б только Золотой Рыцарь задержался здесь хоть на месяц, он не поверил бы собственным глазам и решил бы, что, в конце концов, победа все ж оказалась за темными: ведь что, если та победа, какую даровала ему Остянка, была всего лишь ловушкой столь безжалостно хитроумной Ворожей?

Дружинникова избушка^[38] представляла собой трехэтажный сруб; первый же этаж его был полностью сложен из камня. Мешко и немногие оставшиеся верными ему коссары выстояли несколько дней, сражаясь, точно крысы, и тщась^[39] удержать деревенских в узде. И кто знает, сколько бы это длилось, если б служанка самого Мешко не раскроила ему череп топором и не сбросила покойника с балкона.

Ликуя, жители деревеньки разорвали тело своего бывшего господина на куски, а избу его предали огню. Мальчиков же выволокли на снег босыми и заплаканными, с опухшими от слез глазами. Григор, самый старший, отбивался до тех пор, пока костяшки на его кулаках не стали мокрыми от крови, а сам он не сделался так измотан, что остаток пути до холмов его пришлось нести на руках. Евгений и Радимир шли тихо: они были еще слишком малы, чтобы понять, что происходит — они знали только, что та безудержная и часто столь ужасающая стихия, какую они звали своим отцом, теперь мертва. Деревенские завязали мальчикам глаза, чтобы те не смогли найти дороги назад, и отвели их в чащу — настолько глубоко, насколько у них только хватило духу. И там, воззвав к Матушке Остянке и поведав, что они сделали все так, как она требовала, они отпустили детей, а сами сбежали обратно, в дымящиеся развалины Струсива.

И Остянка сдержала свое слово — в каком-то смысле.

Больше из Струсива не исчезло ни одного ребенка — но и не вернулся никто из пропавших до этого. А на следующий год, когда племена Норски явились на прежде принадлежавшие зверолодам земли, они обнаружили деревеньку, которая почти завоевала самое себя. После свержения Мешко у жителей Струсива не осталось ни средств, ни сил, чтобы отстроить разрушенные стены и собрать скудный урожай. Мародеры за одну ночь сожгли там все дотла, а отрубленные головы струсивцев водрузили на острые шипы.

Говаривают, будто бы Остянка смотрела на всё это из окошка своей избушки на вершине холма и была рада-радешенька.

Самые важные уроки — зачастую самые трудные....

Когда мягкий голос Шепота утих, Радыг беспокойно зашевелился: он пытался избавиться от комка в желудке, который, как он думал, возник от того, что он ел и пил слишком жадно. Но дело было не в этом. Его руки зудели, а внутри у него все сжалось: то память о чем-то дюже важном возвращалась к нему. Разум Радыга не сохранил воспоминаний — зато они точно были вырезаны где-то внутри, в самой плоти его, в его костях. И теперь тело пыталось Радыгу напомнить о том, что вылетело у него из головы.

Эта сказка об исчезнувших детях вызвала в нем неясное, но ужасно неприятное чувство. Перед его мысленным взором вдруг возникла темноволосая девочка. Бежала она по недавно засеянному полю и хлопала в ладоши, отпугивая слетевшихся на зерно птах. Эта малышка любила желтый — оттого и вплела бечеву солнечного цвета в гриву и хвост отцовской лошади, чтоб и на чужбине не забывал Радыг родимый дом. А вот и он сам. Грубый, черствый да обветренный человек. Вот он преклонил колени пред простым домашним алтарем, что был обустроен у очага, и принялся молить Дажа, чтоб тот даровал ему сына — здорового да сильного. Такого, какой смог бы унаследовать Радыгов меч да вместо него скакать в роте, когда годы возьмут свое.

А вот увидел он темноволосую женщину в домотканом шерстяном плате: её округлившийся живот проступал сквозь одежду, а взгляд ее был потухший, усталый. Воздев тонкую руку, она махала ему вслед — и он махал ей тоже, делая вид, будто б грустит о расставании хотя бы вполтину так же сильно, как она. А после щелкнул он языком, прикрикивая на лошадку — «И-и-и-ха!» — и помчался вдаль, нагоняя

свою роту.

Радыг впился ладонью в свою грудь, будто пытался вырвать из неё источник боли — но тот сидел у него внутри слишком крепко да слишком глубоко.

Воспоминания, покамест, отступили.

Во имя всех богов, что же я здесь, в лесу, делаю?

Что ж я натворил?!

— Похоже, ты его напугал, — сказал Топор Шепоту, и в голосе его сквозила скрытая усмешка. Он продолжил кропотливо работать над лезвием своего топора. Казалось: острее сделать его уж было невозможно — но снова и снова воздевал Топор свой точильный камень.

— Пожалуй, — согласился с ним Шепот.

— Что...что же случилось с этими тремя отроками? — спросил Радыг, но казалось ему, что ответ на сей вопрос уж был ему известен. Три пары одинаковых глаз, темно-зеленых, точно густая чащоба, блестели на него в свете костра. — И что случилось со всеми остальными ребятами из Ропсалов?

Топор лишь пожал плечами:

— Одни говорят, что те продолжают служить Ворожее из Кислева. Что сражаются они заодно с лесными духами, когда Матушка идет на кого-то войной.

— А может — это все только сказочки, — добавил Шепот.

— Только сказочки? — переспросил Радыг.

Топор вновь пожал плечами, и еще одна глубоко скрытая улыбка пробилась сквозь прорези в его башлыке — как крот, что пробирается на поверхность, раскидывая землю.

— Не верю я, чтоб на моей земле деялось такое лихо. — Радыг покачал головой — словно одного этого было достаточно, чтоб отвадить от него все эти сомнения раз и навсегда. — Царица такого никогда б не допустила! — Шепот усмехнулся — уже так, что этого нельзя было не заметить — но Радыг продолжал: — Ну уж нет! Ни за что не поверю я в это!

Он положил ладони себе на колени, будто б намереваясь встать, вскочить в седло и самостоятельно найти выход из этого треклятого леса. Но какой-то несказанный страх словно б пригвоздил его к земле, не позволяя даже шелохнуться. По тыльной стороне его шеи побежали мурашки, но он не осмеливался обернуться и взглянуть туда, где стояла Казия, наблюдая за ним из темноты.

Здесь, рядом со своими случайными товарищами и близ их костра, он был в безопасности.

Но там...

— Я говаривал вам, что знаю человека из Струсива, — напомнил он трем чащобникам, и его голос был едва ли не так же тих, как у Шепота. — А кто-то из вас может сказать о себе то же самое?

Вопрос, казалось, позабавил этих троих.

— Да как вы можете знать там кого-то?! — Радыг закричал на них, ведь, когда шкуру страха не берет ни одна стрела, гнев остается последним в колчане человека. — Да вы тогда еще, небось, только от

мамкиной сиськи оторвались!

— А может, ты хочешь услышать *местную* сказочку?

Радыг вздрогнул, как громом пораженный.

Третий человек. Тот молчун.

Он улыбался темно-зелеными глазами, на Радыга глядячи, но недобрая то была улыбка.

— Соберись же с духом, мой друг, ибо история, какую я буду сказывать, происходила в этом самом лесу...

Дружинник Витек^[40] был дюже набожным человеком. Он поручил построить каменную церковь — и была она даже больше той, что стоит в Болгасграде! — а еще давал он деньги множеству священников, дабы те проповедовали в его родной деревне. Медведем Стаславским прозвали его — и не только за его громадный рост да крутой нрав (коли разбудить его рано поутру, до полудня). Он ел мясо и рыбу хотя бы однажды в неделю, как положено постом, но никогда не ел и то, и другое в один и тот же день. Купался он только за пределами своего дома.

Когда среди деревенских поползли слухи, будто б появился в стаславских лесах великий черный медведь, Витек посчитал, что это не иначе как благословение самого Урсуну. Его жрецы затребовали пробраться в глубь леса — туда, где стоит у алтаря Урсуну бревенчатый курган — и сделать там подношение из ягод и рыбы. И какое-то время, верно, Бог-Медведь и впрямь благоволил Витеку. Паломники текли рекой из Болгасграда, из Эренграда и Праага; гурьбой шли они в церковь Витека и тратили там свои золотые дукаты, и все это — чтоб только увидеть знаменитого медведя. Но ни разу не показал он себя, и не принял он тех подношений, что оставлены были ему в святилище Урсуну, и в скором времени «Стаславским Медведем» в шутку стали прозывать все то, что отличается щедрым посулом, а на деле — пустышка. Если какая-нибудь обновочка — взял ты себе, скажем, новые стремяна — возьмет да и сломается, или ж если у тебя молоко скиснет — смело вини во всем «Стаславского Медведя», и тогда над тобой посмеется честной народ весело, но с сочувствием.

Уязвленный такою злою шуткою судьбы, Витек решился пойти на медведя охотой — да и убить его.

Никто уж не будет тогда сомневаться, что Батюшка-Медведь благоволит Витеку, коль скоро он сделает из черного мишки чучело и выставит его под апсидою^[41] своей церкви — а там, глядишь, и паломники вернуться, и денежки вновь закапают.

Вестимо, Урсун разрешает такие охоты, коли ему при том выказывают должное почтение: нельзя брать с собой на охоту ни собак, ни луков с пращами, хотя дротики брать можно. Медведь должен быть убит в одиночном бою да собственноручно, а после того должны быть читаны над усопшим мишкой молитвы.

С огромною ватагою священников и наездников, возглавляемой ястребиным патриархом Правовеерным по имени Завиша^[42], Витек отправился в чащу.

К слову, охоту направлял местный проводник. Звали его, скажем, Козёл^[43].

И он — печальный герой сией повести, посколь, если Витек заблуждался по неведению, а Завиша был ослеплен своею ярою верой, то кому-кому, а Козлу всё должно было быть с самого начала известно куда

лучше их всех.

Козёл был конным лучником, и, служа верою и правдою своей дружине, он проехал от Высокого перевала на востоке аж до Моря Когтей на западе. Он сражался с гоблинами в Краесветных горах и выслеживал кызаков, что набегали с севера. Козёл хорошо знал свою родную землю и ее предания, и, конечно, знал он и то, что черные медведи Стаслава — что, как и все прочие мишки, вели свой род от самого Урсуну — были отмечены Матушкой Остянкой. Они — ее слуги и хранители тайных троп. И когда Остянка ведет людей Кислева на войну, ездят они как раз-таки верхом на медведях. Урсун может сколь угодно допускать убийство медведя, но Матушка Остянка — нет, и бормотание попов не имеет над ней никакой силы.

В утро охоты Матушка-Ворожея заявила к Козлу с предупреждением.

Его беременная жена вздрогнула во сне и внезапно поднялась. Её глаза были широко распахнуты — но сама она при том не просыпалась. Глаза её обратились в остекленевшие белесые очи Ворожеи, и, когда она улыбнулась Козлу, рот её ощерился маленькими свиными клычками.

— Придешь в лес — и Остянка до тебя доберется, — сказала она, и голос её был подобен шуму ветра в сухой траве.

Козёл вскочил с постели и мигом бросился к избе Витека. Несясь в неслыханном ужасе, встретил он патриарха Завишу и пересказал ему Остянкино предупреждение. Патриарх с такою силой ударил Козла по челюсти, что тот упал на колени — а Завиша повелел, чтоб не вздумал больше этот конный лучник говорить такие святотатства в присутствии дружины, а не то его жена и дочь будут следующими, кого принесут в жертву Стаславскому Медведю.

Посему оставил Козёл приношение в виде зайца да хвороста, надеясь, что это умилостивит Матушку, и возглавил охоту Витека, как они и договаривались.

Но ему должно было быть все ясно с самого начала.

Все время, что они брели по лесу, охоту сопровождали сплошные несчастья. Погода обернулась против них, и дождь сделал дорогу тяжкой и неверной, смывая всякий след, какой мог бы оставить после себя Медведь Стаславский. Деревья сговорились между собою так, чтоб падать ровно в те места, где проходили самые излюбленные охотничьи тропы, неумолимо загоня тем самым поход в заросли всё более темные да опасные. Один охотник сломал себе шею, когда его лошадь понесла, испугавшись волчьего воя. А один священник, не видя, что у него под ногами в такой яростный проливной дождь, поскользнулся на краю оврага, упал, да и разбился насмерть. Витек и Завиша помолились за них, но с пути не сошли. Стало трудно держать в узде лошадей — пришлось охотникам спешиться и вести животинок в поводу, ведь те не желали более терпеть безрассудство своих хозяев.

И смех Ворожеи преследовал их все это время: шелестел он в каждом кусте и дереве, будто те передавали друг другу на ушко тихие секреты.

Наконец, рьяный Козёл напал на нужный след. Размазанные отпечатки лап в мокрой грязи — такие широкие, что могли принадлежать одному лишь Стаславскому Медведю. Но, как и все паломники до него, не нашел Козёл медведя.

Вопль со стороны головного коня был первым сигналом о надвигающейся угрозе. Жеребец ни с того ни с сего лягнул воздух, завалился на бок, скинув всадника, но отчего-то не упал: лошадь и ее хозяин беспомощно повисли над землей, опутанные липкой блестящей паутиной. Двое других наездников

попались в такие же ловушки, не успев вовремя остановиться. Пауки размером с собаку спустились с верхушек деревьев, дабы замотать добычу свою в шелковые сети и сделать так, чтобы больше никогда не смогла она высвободиться.

Витек обнажил свою саблю и пришпорил коня, несясь в атаку — вера его была поистине крепка, и Завиша с попами нужны были ему отнюдь не красного словца ради. Их боевые молитвы наполняли клинки охотников огнем, а в сердцах их начала разливаться жажда крови, хоть и от смрада горящих пауков у людей сводило желудки. Свет Дажа испарял дождь и разгонял мрак, обнажая тихо ползающих по лесу тварей, готовящихся вот-вот выскочить из своей засады.

Что-то в них было от волка, что-то — от медведя, а что-то — от старого, исковерканного злобой дерева. Даже в свете Дажа охотникам было тяжело отличить этих тварей от сосен и елей, понеже их кожа была грубой, что древесная кора, а в их грязной, свалывшейся шерсти запутались комья мха да мертвые, сухие листья. Они были огромны, что тролли, но шаги их при этом не тревожили ни единой сосновой иголки. Лютоволки. Твари из леса. Что-то в этих существах сводило людей с ума, и закаленные воины под действием каких-то злобных чар забывали свое оружие в ножнах и в ужасе таращились на чудовищ, хоть, если б их чувства оставались остры, как прежде, давно бы уже неслись они прочь отсюда, спасая свои души.

А затем эти твари ударили, и ярость их была совершенно ни с чем, ни с какой звериною злобою не сравнима.

Витек отважно сражался и пал первым, разорванный в клочья страшными когтями твари. Воодушевленные примером своих священников, охотники тоже бились, пуская в ход топоры да луки — но все они были разорваны, один за другим. Кого-то сожрали на месте, а кого-то мерзкие пауки поволокли в свои логовища на верхушках деревьев.

А что же Козёл, спросишь ты? Что же случилось с нашим несчастным, обреченным героем?

Лютоволк бросился ему наперерез, чтоб схватить своею пастью поющего боевую литанию попа. Пони Козла отпрянул в ужасе, но Козёл наш был умелым наездником и ветераном многих сражений. Управляя конем одними лишь коленями, вряд ли способный о чем-то думать пред лицом такого ужаса, Козёл бросился на зверя.

Его сабля вонзилась в плечо твари, но кожа чудовища была необычайно толста, и потому удар не ранил его, а лишь еще сильнее разозлил. Конь Козла принялся отчаянно лягаться, и сабля вырвалась из руки наездника, оставшись в твердой плоти лютого зверя.

Клацая челюстями в сторону нашего бедолаги, тварь разгрызла сопротивляющегося священника пополам. Залитый кровью и обезумевший от ужаса пони Козла вдруг взбрыкнул и выкинул того из седла — как раз в тот момент, когда он пытался потянуться за саблей. Наш герой ударился лбом о жесткое плечо чудовища, и все мысли, что роились у несчастного в голове, от такого удара разлетелись вдребезги. Однако ж, он успел вытянуть руку и кое-как нащупал рукоятку сабли. Тварь уж собралась было помчаться следом за его обезумевшим пони, и...

Его лицо ударилось о жесткое плечо твари, и мысли внутри его головы разбились на тысячи осколков, однако ж каким-то неведомым образом ему удалось ухватиться за рукоять сабли при падении, и...

— Нет!

Радыг отпрянул от походного костра. Охваченный ужасом, он упал, завалившись на спину. Он все теперь вспомнил: и гибнущих людей, и израненных лошадей, и кровь, разбрызганную по бесстрастно наблюдающим за всем этим деревьям. Вспомнил, как жуткая тварь подняла лошадь Витека над землей и порвала несчастное животное пополам. А потом — бешеная, безостановочная скачка сквозь лесные чащобы.

— Теперь он, кажись, все увидел, Григор.

— Пожалуй, и впрямь увидел, Радимир.

Трое сыновей дружинника Мешко улыбались ему, сидя напротив в неверном свете пламени костра.

Все еще не поднимаясь с земли, Радыг попытался нащупать саблю у себя на бедре — но тщетно ладонь его хватала пустоту. В ножнах не было клинка. Он вспомнил было, что сабля осталась торчать в спине у лютого волка, как молчун — которого стоило теперь называть Григором — Радыгу и сказывал. Но — нет, нет! Радыг встряхнул головой. То был всего лишь кошмар: страшный, жуткий сон! И сабля его не при нем не поэтому, а потому, что висит у седла — там же, где его лук. Точно. Так оно и было.

Он пополз на четвереньках, будто зверь, сбивая походя котлы, плоски и свои собственные сохнувшие у

огня сапоги. Он вспахивал своими спешащими ногами в шерстяных портянках землю — и та летела в костер. Полуползком-полубегом добрался он до места, где ждала его Казия, привязанная за повод к сосновой ветке.

Губы пони вдруг оттопырились, обнажив крупные, острые зубы.

Радыг отшатнулся, услышав ее утробный рык.

Сердце его бешено заколотилось.

То была не Казия, а чудовище втрое больше нее, с покатою спиной и массивными, как у медведя, передними лапами. Голова твари была безжалостно закована в кость, и пара белых клыков, каждый с саблю длиною, торчали из её тяжелой нижней челюсти. По шее её бежала слипшаяся рыжая шерсть, из которой, словно б растущие оттуда, торчали палые листья. Не было на твари этой ни седла, ни сабли, ни лука. И то, что принял он сперва за талый снег и пену на боках животного, на самом деле было склизкою кровью растерзанного священника. И Радыгов клинок торчал аккурат из спины чудовища. Из твердых костлявых ноздрей ужасающего создания вырвался скрипучий и грубый, нечеловеческий смех. Очи твари были покрыты мутными бельмами — но оно видело Радыга. Несчастный точно знал это — по тому, как скручивалось при взгляде на чудовище всё у него внутри; по тому, как расплзался дикий ужас из самых глубин его разума по всему его существу.

Упал Радыг на колени, и все его конечности разом отказались служить ему.

— Прости меня! Прости меня!

— Мальчишки всегда просят прощения, — сказал дым костерка, та самая четвертая фигура, которую Радыг, казалось, все это время мог наблюдать так близко. Но даже теперь он не смел взглянуть на нее.

— Когда те нашкодят и их ловят за руку!

— Пожалуйста...

Он подумал о Софии, резвящейся в траве. О Карыстыне, которая махала ему рукою. Слезы навернулись на его глаза — то был первый раз, когда он в своей жизни плакал — с тех пор, как был еще мальчуганом и его пони сломал ногу на скованной льдом реке. Тогда батюшка дал Радыгу топор и показал, что должно делать мужчине.

Радыг был кислевитом, а кислевиты не плачут.

Он стер слезу кулаком.

— Много раз я тебя предупреждала, чтоб не выслеживал ты медведя в моем лесу, — прошипела Остянка.

— Много раз и многими способами предостерегала я тебя!

— Что же теперь ты будешь делать со мною?

— Теперь, — сказал Евегний, внезапно оказавшись прямо у Радыга за спиной, — матушка Остянка до тебя доберется!

Топор его, как и полагал Радыг Брегний, и правда был очень остёр.

2. В оригинале — *tunics*, что поставило нас перед задачей разобраться, во что одеты эти «кочевники», и подобрать подходящий аналог слову «*tunic*» в русской культуре. Само по себе это английское слово обладает широким спектром значений, и речь тут далеко не о римской тунике, а о любой длинной, закрывающей тело одежде — или же даже в общем плане об «оболочке», ср.: *fire-fighting tunic* — защитная пожарная одежда; *tunic length jacket* — длинный жакет, а если дословно, то «жакет длиной с тунику»; *brain tunic* — оболочка головного мозга. То есть само по себе слово *tunic* ничего, кроме того, что зимняя одежда трёх чашобников длинная, не сообщает. Судя по последующему описанию, одеты чашобники, скорее, в то, что носят кислевитские конные лучники в игре. Слово, которое пришло нам на ум — кафтан, благо, что и исторические тюрки-кочевники пользовались этим видом одежды, а по одной из версий — даже ее изобрели.
4. Башлык — головной убор в виде остроконечного капюшона с длинными «ушами», которые можно было обматывать вокруг шеи. Буденовка, созданная во время гражданской войны в России, во многом является наследницей идеи башлыка. Первоначально возникший в тюркской культуре, башлык был, по утверждению ЭСБЕ, радостно принят русской армией: «В русских войсках он введен был в 1862 г. и во время войны 1877—78 гг. оказался настолько целесообразным, что стал испытываться и в западноевропейских. Так, в 1881 г. весь отряд французских войск, посланный в Тунис, был снабжен башлыками».
6. *Szabla* — читается как «шабла» и используется в англ. для обозначения венгерско-польской сабли.
8. Бердыш (слово происходит из польск. *berdysz*, далее из лат. *barducium* от прагерм. *barda* «топор») — широкий топор с длинным древком и с лезвием формы полумесяца, состоял на вооружении русской пехоты в 15-17 вв. и настолько вошел в обиход, что даже полки нового строя вооружались ими, т.к. к бердышу народ был уже сильно привычен. Также был излюбленным оружием русских стрельцов: его они могли использовать в качестве подпорки для своих ружей, а, по необходимости оказавшись в ближнем бою, могли с помощью него защищаться.
10. Одна из хозяйственных традиций, имевших, в том числе, место и у степных народов. Общая идея такова, что подобное топливо используется в местностях, где дерево в дефиците. Поскольку в степи не растет достаточного количества деревьев, в качестве топлива для костра кочевники используют навоз своих домашних животных, предварительно утрамбовывая его в блоки и высушивая на ветру. Есть даже специальное тюркское слово — кизяк — для обозначения такого топлива. Чтобы изготовить кизяк, существует несколько способов. Можно трамбовать навоз вперемешку с соломой самому, босяком — а можно не чистить загоны своего скота — так, чтобы сами животные топтали его. Когда навоз утрамбован, можно положить его в специальные формы и дать высохнуть — или же его нарезают на квадраты и также дают основательно просохнуть. После уже можно использовать его в качестве топлива для очага, и, говорят, по своим качествам оно не уступает углю — правда, зола от него смердит знатно.
12. В ориг. *hands*. В англоговорящих странах лошади традиционно измеряются в ладонях (эта «ладонь» примерно равна 10 см, то бишь Казия ростом в холке 130 см, в то время как средним ростом для современного пони считается 140-144 см). В то же время, на Руси лошадей мерили аршинами (длина всей руки, от кончика безымянного пальца и до основания плеча, примерно 72 см) и вершками (длина двух крайних фаланг указательного пальца, примерно 4,5 см). К слову, в старорусской системе счета тоже была такая единица измерения, как ладонь (считалась по ширине составленных пальцев без учета большого и тоже равнялась примерно 7-10 см). Для аутентичности можно было бы перевести рост Казии в аршины и вершки, но мы решили оставить «ладонь» — эта мера представляется более наглядно демонстрирующей рост, да и в общем тоже имела место в русской системе исчисления длины.
14. Бечева — слово монгольского происхождения; ср. халха-мог. *büč* «верёвка», бурятск. *bүшэ* «тесьма, лента, шнурок; поясок». Означает плотную крученую веревку, которая может быть разной толщины, вплоть до канатной.
16. Металлическая деталь уздечки, которую лошадь держит во рту. В современности чаще известны под названием «трэнзель»; имеют множество разновидностей. С помощью давления удил, прикрепленных к поводьям, которыми орудует всадник, происходит непосредственное управление лошастью.
18. В ориг. было именно *grin*, а не *smile* или ещё какой бы то ни было синоним для улыбки. Так что представляйте себе, что Топор действительно скалит зубы, как пес, когда улыбается.

20. В ориг. signed, что в контексте можно было бы перевести как «перекрестились», и, при всей эклектике Кислева, мы не думаем, что это было бы прямо-таки непростительным прегрешением. Однако, фактически, в Кислеве нет креста Искупителя в качестве символа веры, так что и креститься они вряд ли могут точно таким же образом, как это делают православные.
22. В ориг. coat. В то время как одежда трех «кочевников» именуется tunic, а нами переведена была как «кафтан», здесь, чтобы подчеркнуть это различие, мы употребили «шубу». Хотя, конечно, это довольно-таки проблемное место, т.к. в русском языке существует множество названий для зимней исторической одежды, а по описанию оригинала не вполне ясно, какая именно одежда имеется в виду.
24. Это место было дословно переведено, однако, как известно, одна из лун в мире Вархаммера — Маннслиб, обычная, серебристая, а другая — Морслиб, зеленая луна. То есть у одной из лун дымка будет и впрямь серебристой, а у другой — тогда уж изумрудной.
26. Слово было добавлено нами, в оригинале было cup (чашка, чарка), но, помилуй Усрун, какой лиходеи пьет огненную воду из чашек?!
28. В кислевитском языке под словом kuazak подразумевается любой налетчик или грабитель, но чаще всего под ним понимают именно северных варваров. Очевидно, что слово kuazak является отсылкой на слово «казак».
30. Др. русское слово, значит «потому что, так как».
32. Это слово было добавлено нами, в ориг. chimney — дымоход, камин, но в каждой русской избушке, вестимо, должна быть русская же печка!
34. Атаман — главный в роду, старший в каком-то деле или ж военачальник у степных народов или казаков. Возможно, произошло от тюркского слова «ата», обозначающего «отец» или «дед», т.е. старший в роду, главный среди людей.
36. Вероятно, здесь мы видим параллели с русскими сказками о Змее Горыныче, который тоже отличался гастрономической любовью к хорошеньким девушкам.
38. Нет, в оригинале правда написано Zhidovsk.
40. В ориг. spires (шпили) — решили подобрать слово с более русским колоритом.
42. «Вестимо» — прост. устар. и обл. — значит «известно».
44. Судя по тому, что автором достаточно активно здесь и далее используются говорящие имена, можно предположить, что название деревеньки — тоже говорящее, происшедшее от деепричастия — (что сделав?) струсив.
46. В оригинале кислевитские войска делят на pulks и rotas. Слово «полк» праславянского происхождения и исторически очень сильно менялось в том, формирование какого размера им обозначают (благо, что применялось оно буквально всю русскую историю и применяется до сих пор). Слово же «рота» появляется в русском ратном деле только вместе с «полками нового строя», где им обозначают подразделение примерно в 220 человек. Сами же «немецкие полки» включали в себя обычно по восемь рот. Так что, если пользоваться терминологией Вархаммера, кислевитский полк — это скорее армия, а их рота больше соответствует отряду.
48. В оригинале March Boyar. В соответствии с кратким описанием Ульрики Магдовы Страговой (см. ниже), под этим термином подразумевается боярин, ответственный за защиту границ Кислева. В русской исторической традиции ему наиболее соответствует понятие засечного головы/воеводы. Дабы сохранить термин «боярин» и передать суть понятия «засечный голова», мы пошли на «диффузию» двух названий.
50. Ориг. hetman (нем. Hauptmann, что дословно значит «голова-человек», «главный человек») — гетман — военный чин в Польше, Литве и Украине. Первоначально — название командующего армией; впоследствии на Украине так назывался правитель автономной области, Гетманщины — территории запорожских казаков.
52. В ориг. Tzar Winter — пол мы решили изменить в соответствии с тем, как слово звучит по-русски.
54. Тьма — единица исчисления в старорусском счете, соответствующая десяти тысячам. Слово было добавлено нами, чтобы этому и последующим описаниям нарастающего количества врагов придать элемент градации, столь свойственной легендарному жанру в целом и русским народным сказкам в частности: сперва десятки, затем сотни, затем тысячи, а после — десятки тысяч.

56. Мы переводим здесь это звание в том виде, в котором оно вошло в русскую военную традицию, хотя в оригинале было *rotamaster*, то есть английское написание польской версии этого военного чина. Вообще же, будучи немецким, это звание офицера кавалерийского отряда разошлось по разным языкам в разных вариациях. Ср. нем: *Rittmeister*, чеш: *rotmistr*, дат: *ritmester*. В русском языке же это звание возникает вместе с «полками нового строя», так как по своей структуре они произошли из немецкой военной школы и большая часть наемников из полков первого поколения происходила из германских (в т.ч. скандинавских) стран.
58. В оригинале слово употреблялось во множественном числе и записывалось как «*karczma*».
60. В оригинале и впрямь употребляются слова *borscht* и *vodka*.
62. В оригинале *Mieszko* — польское имя, которое на русский язык переводят как «Мечислав». Одним из самых известных носителей этого имени является Мешко I — основоположник польской государственности.
64. Григор — болгарское мужское имя.
66. Старинное слово, значит то же, что «только».
68. Трizza — слово добавлено нами — часть погребального обряда у древних славян; пир после сожжения тела покойного. Судя по описанию, именно этот обычай и имеется в виду.
70. В оригинале — *steppes*.
72. В оригинале — *babushka*.
74. Кабатчик — владелец кабака.
76. В оригинале почти так и было: *izba*.
78. Выражение книжного стиля. «Тщиться» — значит прилагать к чему-то большие но, как правило, бесплодные усилия.
80. Витек — польская фамилия, производная от имени Вит или же Витольд, что совмещает в себе два значения: «роща» и «править».
82. Апсида (в ориг. *apse*) — алтарный свод в церковной архитектуре.
84. Завиша — в ориг *Zawizsa* — польское имя. В конце 14-го — начале 15-го веков был такой исторический персонаж, как Завиша Черный из Гарбова — польский рыцарь, славившийся своею непобедимостью. Что же касается звания местного Завиши, то с ним не все ясно. В оригинале он именуется «*a hawkish patriarch*». Не вполне понятно, имеется ли в виду то, что патриарх обладал по-ястребиному острыми чертами лица — или же что-то иное. Может быть, он в особенности почитает кислевитскую богиню Салаяк, чьим символом является «белая птица» — но более конкретных упоминаний о том, что эта птица именно что ястреб, нам не удалось найти.
86. В оригинале — *Kozel*.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Лесные_твари/_Things_in_the_Wood_\(рассказ\)&oldid=24815](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Лесные_твари/_Things_in_the_Wood_(рассказ)&oldid=24815)

Эта страница в последний раз была отредактирована 9 апреля 2024 в 22:29.